

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА: ДИАЛЕКТИКА МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ СВЯЗЕЙ

В. Л. Берсенёв

Междисциплинарные связи между политической экономией и историко-экономической наукой рассматриваются как процесс взаимодополнения и взаимообогащения этих отраслей экономической науки. Прослеживается путь, пройденный историей экономики и историей экономических учений от момента возникновения в середине XIX в. и вплоть до настоящего времени. Высказывается предположение, что преодоление современного кризиса экономической теории произойдёт только на основе активного использования возможностей историко-экономического анализа.

В настоящее время считается признаком хорошего тона периодически упоминать о кризисе экономической теории, понимая под таковым подчас совершенно противоположные тенденции и явления в зависимости как от политических, так и от эстетических, этических и иных пристрастий учёных-экономистов, рассуждающих на эту тему. Впрочем, у нас в стране заговорили об этом уже в 1990-е гг., когда стало ясно, что романтические представления о превосходстве рынка над планом, сформировавшиеся во многом под впечатлением публицистических статей В. Селюнина, Г. Лисичкина, Н. Шмелёва и других не менее уважаемых авторов в толстых литературных журналах эпохи «перестройки», слабо соотносятся с реалиями квазирыночных отношений

как результата первых преобразований в рамках современной экономической реформы.

В этом плане весьма примечателен доклад В. М. Полтеровича «Кризис экономической теории» [11], прочитанный в 1997 г. на научном семинаре Отделения экономики и ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика». Не вдаваясь в детальный анализ всех нюансов очень содержательного выступления, можно отметить следующее. Докладчик, отмечая, что экономическая теория устанавливает границы себя самой, подобно математической логике и физике, признавал, что при этом у будущих экономистов складывалось несколько искаженное представление о сути изучаемой ими науки: «Учебники же по экономике и весь процесс обучения построены так, что создают у студентов впечатле-

ние, будто они изучают дисциплину, принципиально ничем не отличающуюся от естественных наук. Этому способствуют достаточно сложный математический аппарат, обилие формальных доказательств и большое внимание, уделяемое методам тестирования моделей. Подобная точка зрения распространяется в обществе и создает завышенные ожидания, которые экономика не может удовлетворить».

Необходимо при этом сразу же отметить, что данная претензия может быть адресована исключительно современной экономикс, в короткие сроки на рубеже 1980–1990-х гг. вытеснившей из учебного процесса политическую экономию. О принципиальных различиях между двумя ипостасями экономической теории сказано уже достаточно много (см., например [13]), поэтому не лишним будет напомнить лишь следующее. Политическая экономия, даже будучи представлена немалым числом различных школ и направлений, отличалась общей ориентацией на выявление и анализ объективных закономерностей, порождаемых хозяйственной практикой, а также стремлением выработать рекомендации по проведению соответствующей экономической политики. Конечно, можно спорить о научной и практической значимости исследований целого ряда политэкономов XVII–XIX вв., но нельзя не признавать за ними макроэкономического подхода к изучаемым явлениям. Представители же экономикс, начиная с австрийских маржиналистов 1870–1880-х гг., отличались склонностью к субъективно-психологическому анализу поведения либо отдельного производителя (фирмы), либо индивидуального потребителя. При этом, разумеется, нельзя отрицать того вклада в развитие экономической науки, который был обеспечен в ходе эволюции *mainstream*'а на протяжении конца XIX — начала XXI столетий, включая и кейнсианство, и неоклассический синтез П.Э. Самуэльсона, и монетаризм М. Фридмена, и многое другое.

Иными словами, диалектика взаимоотношений представителей политической экономии и экономикс характеризовалась, в первую очередь, противостоянием на доктринальном и методологическом уровнях, не говоря уже о противоборстве советской и западной экономической науки как наиболее показательном примере идейной нетерпимости в данной сфере. Отсюда и перспективы преодоления современного кризиса экономической теории посредством синтеза лучших достижений экономистов прошлого, представлявших и первое,

и второе макронаправление, выглядят весьма проблематичными.

Вместе с тем не следует забывать, что политическая экономия послужила теоретико-методологической основой для появления и других ответвлений экономической науки, находящихся с ней отнюдь не в конфронтации, а скорее — в творческом взаимодействии. Речь, прежде всего, идет о комплексе дисциплин, объединяемых общим определением «историко-экономическая наука».

Традиционно историко-экономическую науку подразделяют на историю экономики и историю экономических учений¹. Если первая представляет собой ретроспективу форм и методов организации хозяйственной деятельности, то вторая отслеживает эволюцию представлений человека об экономических аспектах его бытия. Иными словами, история экономических учений изучает процесс зарождения, становления и развития экономической науки, формирования различных школ и направлений от «ойкономии» Древнего мира до политической экономии Нового времени и современной экономикс. Тем самым масштабное рассмотрение экономических проблем, пространственно-временной подход к их исследованию, гибкое, альтернативное экономическое мышление подкрепляются авторитетом научного знания.

Не менее важной задачей, решаемой посредством изучения практического опыта и теоретического наследия прошлого, является углубление знания общей экономической теории. Характерно, что утверждение исторического метода в методологии экономического анализа способствовало выходу из кризиса буржуазной политической экономии в первой половине XIX в. Именно тогда различные по классовой направленности школы политической экономии преодолели антиисторизм классической школы². Особое место тут, вне сомнения, принадлежит германо-американскому экономисту Ф. Листу, предложившему в 1841 г. в качестве образца «истинной науки» систему

¹ Данное деление постепенно приобретает несколько условный характер, поскольку в рамках общего курса по истории экономики преподаются специализированные курсы по истории отдельных отраслей, а из истории экономических учений практически выделена учебная дисциплина «История менеджмента (управленческой мысли)».

² Обвинения представителей классической школы в антиисторизме их теоретических построений достаточно спорны. По крайней мере, А. Смит в рамках своей теории рассматривал базовые категории и закономерности на основе различных ретроспекций.

национальной экономии — совокупность рекомендаций по проведению экономической политики с целью ускорения развития производительных сил нации: «...Необходимо противопоставить частную экономию социальной экономии и в этой последней различать: экономиию политическую, или национальную, которая, исходя из представления и сущности национализма, учит, каким образом данная нация при современном положении всего света и при наличности особых национальных отношений может сохранять и улучшать свое экономическое положение, и экономиию космополитическую, или мировую, которая исходит из гипотезы, что нации всего земного шара образуют собою одно общество, пребывающее в вечном мире» [7, с. 116].

Достаточно уточнить, что персональной критики за космополитизм удостоились Ф. Кенэ, А. Смит и Ж.-Б. Сэй, чтобы понять, почему Ф. Лист не мог себе позволить признать за представителями стран — конкурентов Германии право на владение «истинной» методологией и методикой экономического анализа. В его представлении методологическую основу национальной системы политической экономии должен был составлять синтез философии, политики и истории: «В интересах будущего и всего человечества философия требует: все большего и большего сближения между собою различных наций, избегания насколько возможно войны, укрепления и развития международного права...

В интересах каждой отдельной нации, в частности, политика, напротив, требует: гарантии для ее самостоятельности и долговременности существования, особенных мер в к поощрению ее успехов в культуре, благосостоянии и могуществе и к улучшению ее социального строя...

История, со своей стороны, говорит решительно в пользу требований будущего, так как она в то же время учит, что всегда материальное и интеллектуальное благополучие возрасало пропорционально расширению политической ассоциации и торговых связей. С другой стороны, она оправдывает также и требования политики и национальности, показывая, как погибали те нации, которые не охраняли в течение долгого времени интересы собственной культуры и могущества... История, таким образом, указывает средства к согласованию взаимных требований философии и политики» [7, с. 24].

Иными словами, Ф. Лист выступает пропагандистом метода поиска исторических ана-

логий для объяснения явлений хозяйственной жизни. С этой целью он выделил часть (книгу) первую «История», в которой основные положения системы «национальной экономии» в той или иной мере подкреплялись анализом исторического материала о хозяйственном развитии различных народов.

Не стоит удивляться, что данный методический подход использовали также и вдохновленные Ф. Листом представители как «старой» (В. Рошер, К. Книс, Б. Гильдебранд), так и «новой» (Г. фон Шмоллер, Л. Brentано, В. Бюхер) исторической школы политэкономии в Германии. Аналитический и публицистический потенциал историко-экономической науки не остался и без внимания К. Маркса. Известны слова Ф. Энгельса, назвавшего К. Маркса в предисловии к первому тому «Капитала» человеком, «теория которого представляет собой результат длившегося всю его жизнь изучения экономической истории и положения Англии...» [10]. Не случайно четвертый том «Капитала», больше известный под вторым названием «Теории прибавочной стоимости», был целиком посвящен анализу воззрений предшественников К. Маркса по проблемам стоимости и доходов.

Новому направлению экономической науки с момента его возникновения были тесны рамки вспомогательной отрасли знания с исключительно иллюстративной ролью. Историко-экономическая наука, аккумулируя, анализируя и обрабатывая большой объем разнообразной первичной общеэкономической информации, стала претендовать на место среди фундаментальных экономических наук, ранее монопольно занятое политической экономией. Известный английский экономист конца XIX в. Джон Невилл Кейнс (не путать с его сыном Джоном Мейнардом Кейнсом) следующим образом определял ведущие функции историко-экономической науки:

1. Историческая иллюстрация экономических теорий.
2. Историческая критика экономических теорий.
3. Историческое обоснование новых экономических теорий (цит. по [12, с. 34], первоисточник — Keynes J. N. The scope and method of political economy, London, 1891).

Иными словами, если политическая экономия выступает общетеоретическим фундаментом историко-экономической науки, то и политическую экономиию можно представить в виде доведенной до абстракции истории экономики и экономической мысли. Недаром вы-

дающийся английский историк и экономист А. Дж. Тойнби, создатель оригинальной теории исторического процесса — истории цивилизаций, называл историко-экономическую науку философией экономического развития (цит. по [12], первоисточник: Toynbee A. Lectures on the industrial revolution of the eighteenth century in England. London, 1908).

Примечательно, что в России практически каждый экономист второй половины XIX — начала XX вв. выступал не только как теоретик, но и как историк народного хозяйства или экономической мысли. Исследования Н.Г. Чернышевского, А.И. Чупрова, М.М. Ковалевского, М.И. Туган-Барановского и других ученых получили мировое признание в том числе в рамках историко-экономической науки. На начальном этапе становления советского обществоведения развитие экономической теории также базировалось на критическом изучении наследия отечественной и мировой экономической мысли. Свой вклад в формирование марксистской методологии историко-экономического анализа внесли С.Г. Струмилин, П.И. Лященко, Л.Б. Кафенгауз, И.И. Рубин, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский и многие другие.

К сожалению, абсолютизация и аксиоматизация научного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, И.В. Сталина и различных партийно-государственных документов привела, начиная с 1930-х гг., к отрыву политической экономии от историко-экономической информационной базы, что, в конце концов, проявилось в кризисе общей экономической теории социализма. Отсутствие связи с запросами исследовательской и хозяйственной практики способствовало постепенному превращению истории экономики в узкоспециализированную академическую отрасль знаний, а постоянно подвергавшийся сокращению соответствующий учебный предмет в высших учебных заведениях стал напоминать сравнительное страноведение с солидной долей информации по политической истории. Даже выходявшие (довольно нерегулярно) русские переводы отдельных работ известных зарубежных экономистов в серии «Экономическая мысль Запада» содержали комментарии, призванные скорее идеологически «разоблачить» авторские концепции, нежели через их анализ обогатить отечественную науку.

Отставание особенно ярко проявилось на фоне развития мировой историко-экономической науки во второй половине XX в. Уйдя от схоластической формулы «история не знает

альтернатив»¹, американские исследователи (А. Конрад, Дж. Мейер, Р. Фогель, С.Л. Энгерман и др.) в конце 1950-х гг. первыми приступили к их моделированию. В формировании так называемой «новой экономической истории» или «клиометрики» в 1960–1970-е гг. приняли участие также ученые Великобритании, Франции, ФРГ, Италии, Японии. В результате в западной историко-экономической науке был совершен переход от страноведческого подхода к изучению глобальных процессов экономического развития на основе широкого использования исторической статистики, математических методов анализа прошлого и построения моделей «несостоявшегося будущего»². Присуждение в 1993 г. Нобелевских премий по экономике Р. Фогелю и Д. Нортю за исследования в данном направлении является весомым свидетельством того, что экономика как наука гораздо шире не только обывательских, но и официальных представлений об ее предметном содержании.

Как ни странно, в СССР интерес к возможностям клиометрики как оригинального подхода к анализу тенденций и явлений исторического прошлого проявился достаточно быстро. По крайней мере, первая статья по этой тематике появилась уже в 1962 г.³, а в целом первоначальные опыты применения ЭВМ и математико-статистических методов в конкретно-исторических исследованиях были связаны с обработкой локальных историко-статистических данных. Можно сказать, что отечественная школа клиометрики состоялась благодаря применению количественных методов (см. [8, с. 5]) при работе с массовыми источниками по аграрной истории России XIX в. В 1971 г. в Институте истории СССР АН СССР была открыта Лаборатория по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. При Отделении истории АН СССР появилась Комиссия по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, проводились всесоюзные школы-семинары молодых ученых, а в 1979 г.

¹ Если следовать первоисточнику, то выражение К. Хампе «Die Geschichte kennt kein Wenn!» переводится как «История не знает никакого “если”», что звучит не столь категорично.

² Наилучшее представление о возможностях клиометрического моделирования дает книга [15].

³ «Свой первый доклад по использованию ЭВМ и математических методов я сделал в 1962 г. в Новосибирске, в лаборатории по применению математических методов в гуманитарных науках при Институте математики Сибирского отделения АН СССР» [5].

был организован постоянно действующий все-союзный семинар по применению количественных методов в исторических исследованиях.

Однако со второй половины 1980-х гг. магистральные линии эволюции этого направления сосредоточились на методологических аспектах применения компьютерных технологий, и квантификационные исследования в рамках социально-экономической истории не получили дальнейшего институционального оформления. Не случайно зарубежные специалисты, признавая высокий уровень методологии отечественной клиометрики в 90-е гг. прошлого века, считали ее главным недостатком эклектичность [4], хотя правильнее было бы говорить о чрезмерном распылении сил и средств, что неизбежно вело к недостаточной глубине исследовательских программ.

К сожалению, в области ретроальтернативистики, и не обязательно экономической, советские историки практически не создали ничего, что свидетельствовало бы о формировании данного направления исследований на отечественной почве, за исключением отдельных публикаций. Хорошо известно, что основоположник российской клиометрики академик И.Д. Ковальченко относился к альтернативно-имитационному моделированию исторического процесса весьма скептически, что отнюдь не способствовало его популярности, а между тем именно в этой области были достигнуты некоторые успехи, которые привлекли внимание широкого круга интеллектуалов к историко-математическим методам анализа вообще.

Никто не будет спорить с тем, что именно математическая модель Пелопонесской войны (431–404 г. до н. э.), реализованная на компьютере БЭСМ-6, стала самой известной совместной работой историков, математиков и программистов [3], но в эволюции отечественной клиометрики она, по сути дела, не сыграла никакой роли и почти не упоминается «официальными» клиометристами. Последние предпочли не ввязываться в опасные споры, и в результате целое направление в исторической науке свелось к совершенствованию методологического инструментария для решения очень разных проблем,

Поэтому историографы отечественной клиометрики могут с полным правом говорить об этом времени как об эпохе потерянных побед и упущенных возможностей. Им едва ли удалось бы, к примеру, показать экономическую эффективность крепостного права в

России середины XIX в., но в отечественной истории (как, впрочем, и в любой другой) и без этого сюжета мифологических версий всегда было более чем достаточно, так что любая попытка предложить квантификационную альтернативу только приветствовалась бы. Теперь же эти благодатные темы возделывают многочисленные представители разнообразных научноподобных сообществ, к которым и обращается читающая публика в поисках математически обоснованной альтернативной модели какой-либо исторической ситуации [6].

Несмотря на это (а может быть, именно поэтому), клиометрика еще не исчерпала всех своих возможностей в качестве метода исследования. Достаточно упомянуть о дифференциации историко-математического подхода в целом, чтобы оценить возможные перспективы в этой области. По крайней мере, уже сейчас можно серьезно говорить о самостоятельном существовании исторической информатики, имитационного моделирования и собственно клиометрики по меньшей мере как о самостоятельных разделах источниковедения или даже как об отдельных вспомогательных исторических дисциплинах. Совершенно особое место занимают методы неравновесной динамики, которые также могут со временем приобрести самостоятельный статус «исторической синергетики».

Соответственно, деятельность ассоциации «История и компьютер» под руководством д.и.н., профессора МГУ Л.И. Бородкина, а также усилия региональных исследователей, в том числе и уральских [1, 9 и др.], дают основания полагать, что достижения отечественной клиометрики вообще, и ретроальтернативистики — в частности, еще впереди.

В Институте экономики УрО РАН также предпринимались попытки составления ретроальтернативного прогноза, при этом за основу брались динамические ряды, отражающие ход аграрных преобразований в рамках современной экономической реформы (см. [2]). Вместе с тем реформа в целом также заслуживает внимания с точки зрения ретроальтернативистики. О том, что можно было принять иные решения, выбрать иную концептуальную основу преобразований, избежать многих неоправданных жертв и в большей степени обеспечить социальную защищенность населения как на старте реформы в январе 1992 г., так и в последующий период, говорилось и тогда, повторяется и сейчас.

Что же касается возвращения историко-экономической науки в целом в число фундамен-

тальных, то первые шаги в этом направлении были сделаны в 1987 г., когда силами научной общественности и решением Госкомиздата в издательстве «Экономика» была создана редакция по истории народного хозяйства и экономических учений. Результатом деятельности редакции явился выход в свет в 1989–1990 гг. двух выпусков сборника «Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли»¹ и первых публикаций в серии «Экономическое наследие» (под общ. ред. академика Л.И. Абалкина).

Более того, бюро Отделения экономики АН СССР в июне 1987 г. приняло по итогам расширенного заседания ряд решений, стимулирующих развитие историко-экономической науки, а Госкомитет СССР по народному образованию в 1989 г. отнес историю народного хозяйства и экономических учений к обязательной группе дисциплин учебного плана по экономическим и инженерно-экономическим специальностям.

С сожалением при этом следует отметить, что имевшие долгое время самостоятельные шифры специальностей ВАКа по экономическим наукам «история экономики» (08.00.02) и «история экономических учений» (08.00.03) в 2000-е гг. утратили свой статус и являются ныне всего лишь составной частью специальности 08.00.01 — «экономическая теория».

Бурные девяностые не самым лучшим образом сказались как на тематике и содержании историко-экономических исследований, так и на состоянии российской экономической науки вообще. Ориентация на получение практического результата «здесь и сейчас» в сочетании с необъяснимым, доходящим до полурелигиозного экстаза, поклонением экономикс увела научные дискуссии от поиска и обоснования стратегических ориентиров развития России к популистским попыткам решить все проблемы разом путем «развенчания тяжелого наследия тоталитарного прошлого».

Подобного рода тенденция к быстрой смене ориентации сказалась и на содержании учебников, появившихся в этот период. Долгое время вся экономическая мысль Запада, выходящая за рамки классической школы политэкономии (У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо), однозначно характеризовалась как вульгарная политическая экономия. В частности, данные оценки содержатся в последних крупных учебниках советского периода, вышедших в 1980-е гг.

¹ К настоящему времени в этой серии вышло ещё два тематических сборника с подзаголовком «Экономика в контексте истории и культуры».

Примечательно, что часть I учебника «История экономических учений» издательства МГУ появилась в 1989 г. и была выстроена по традиционным советским канонам. Часть II, посвященная экономической мысли 20–30-х гг. XX в., была опубликована в 1994 г. и уже не содержала уничижительных оценок зарубежной экономической мысли, а часть III (1998 г.) даже имела иное оформление и содержательно ориентировалась на западные стандарты и характеристики того или иного направления в современной экономической науке.

Наряду с этим следует признать, что «публикаторский бум» 1990-х гг. поспособствовал распространению если не результатов историко-экономических исследований, то хотя бы учебников по данной проблематике. Из числа переводных изданий можно выделить фундаментальный учебник М. Блауга «Экономическая мысль в ретроспективе» (М., 1994), а также попытку описать воззрения экономистов прошлого математическим языком, предпринятую Т. Негиши в работе «История экономической теории» (М., 1995). Что касается отечественных авторов, то в этот период вышли из печати учебники С.А. Бартенёва, Я.С. Ядгарова, Н.Е. Титовой, И.И. Агаповой и др. Предпринимались даже попытки синтезировать под одной обложкой учебники по истории экономики и экономических учений, примером чего могут служить крайне неудачные учебные пособия А.И. Сурина и А.Н. Ковалева.

Своеобразным артефактом на этом фоне выглядит долгожданная публикация на русском языке полной версии одной из самых знаменитых работ Й. Шумпетера «История экономического анализа» (СПб., 2001). Впрочем, называть работой фундаментальный трехтомный (и при этом незавершенный) труд великого австрийского экономиста первой половины XX в. можно только по формальным основаниям. Й. Шумпетер писал не историю экономических учений в привычном понимании, он описывал свои представления об эволюции экономической мысли в результате постоянного совершенствования техники анализа явлений хозяйственной жизни. Эти представления, в свою очередь, основывались на личных впечатлениях автора от знакомства с тем или иным памятником экономической мысли, и в этом отношении Й. Шумпетер — полиглот, владевший не только основными европейскими языками, но и латынью и древнегреческим — не знал себе равных. Конечно, неискушенного читателя может отпугнуть некая сумбущность

изложения, столь не характерная для стандартных учебников по истории экономических учений, но не следует забывать, что сам автор не успел закончить свой труд, и мы никогда не узнаем, какой могла бы быть каноническая версия текста. Наконец, сама энциклопедичность подхода Й. Шумпетера к предмету исследования словно бы исключает необходимость повествования на уровне «было так — стало так», зато всякий желающий найдет здесь ответы на многие вопросы, связанные с развитием не только экономической теории, но и общественных наук в целом.

Впрочем акцентирование внимания на авторских оценках наследия экономистов прошлого является характерной особенностью самых разных учебников по истории экономических учений. Субъектный состав и хронологические рамки существования той или иной школы экономической мысли определяются исходя из симпатий автора, и само содержание учебников отнюдь не предполагает рассмотрения всего многообразия школ и направлений, составляющих содержание истории экономических учений. Иными словами, за субъективными предпочтениями теряется теоретический дискурс, свойственный историко-экономической науке.

Р. Барт, говоря об идеологическом и лингвистическом характере исторического дискурса, утверждал, что он наделен способностью создавать «эффект реальности» [14, с. 73]. Отсюда интеллектуальная модель историко-экономического прошлого продуцируется в своего рода виртуальную экономическую действительность, на основе представлений о которой будут приниматься те или иные вполне конкретные политические, правовые, хозяйственные и иные решения. Как это иногда случается на практике, хорошо известно из печального опыта обоснования и реализации концепции современной экономической реформы в России.

Разрешение противоречия между реальностью прошлого и теоретико-идеологичес-

ким конструктом настоящего лежит, на наш взгляд, в плоскости сомнения как исследовательского императива. Если строить анализ наследия школ и направлений экономической мысли не на описании сюжетов, известных лишь потому, что они были канонизированы и вошли в современный набор теоретических постулатов, а на выявлении авторской мотивации, благодаря которой появлялись хрестоматийные ныне трактаты, то история экономических учений предстает не как восхождение от простого к сложному, а как постоянное столкновение интересов и обслуживающих их идеологем.

Результаты растянувшихся на четверть века теоретических дискуссий о свободном рынке и административной экономике, о частной и государственной собственности и т. п. фактически продемонстрировали, насколько теоретические схемы, заимствованные из различных теорий и лишённые реального содержания понятия, оказались оторванными от нашей действительности. Для приближения к пониманию происходящих в отечественной экономике процессов необходимо обратиться к фактам хозяйственной жизни, в том числе к деятельности акционерных обществ и их акционеров, промышленных компаний, торговых фирм, инвестиционных институтов и т. д., вместе составляющих одно целое — предпринимательский сектор экономики, характер отношений внутри которого может быть противопоставлен отношениям другого рода, например социальным, политическим, национально-культурным и другим. Подвергая препарированию отдельные факты и восстанавливая между ними связи, можно постепенно двигаться к осмыслению «повседневной хозяйственной практики в ее деталях», которая и должна становиться предметом теоретических изысканий. В этом плане возможности преодоления кризиса экономической теории у нас в стране на основе активного использования возможностей историко-экономического анализа представляются достаточно перспективными.

Список источников

1. Баканов С. А., Фокин А. А. Новейшая историография уральской истории: опыт статистического изучения тематики диссертационных исследований // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. статей / [редкол.: Н. Н. Алеврас (гл. ред.) и др.]. — Челябинск: Каменный пояс, 2006. — С. 463-473
2. Берсенёв В. Л., Горст А. П. Опыт ретроальтернативного прогнозирования развития социально-экономических систем. На примере сельского хозяйства Свердловской области в 1990-е годы // Экономика региона. — 2007. — № 2. — С. 33-43.
3. Гусейнова А. С., Павловский Ю. Н., Устинов В. А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. — М.: Наука, 1984.
4. Интервью с профессором Кэрл Леонард (SUNY) // Информационный бюллетень комиссии применению математических методов ЭВМ исторических исследованиях. — 1991. — № 2. — С. 45-46.

5. Интервью с академиком И. Д. Ковальченко // Информационный бюллетень комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. — 1990. — №1 (нояб.) — С. 4.
6. *Лабазов И.* Альтернативная история в Сети [Электронный ресурс]. URL: <http://alternativa.lib.ru/ah/index22467card23752.htm>
7. *Лист Ф.* Национальная система политической экономии // Лист Ф. Национальная система политической экономии. Витте С. Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Менделеев Д. И. Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 г. — М.: Европа, 2005.
8. *Ломова С. А.* Экономическая история и клиометрика: самоидентификация направлений в России и за рубежом // Новая и новейшая история. — 1997. — №5. — С. 5.
9. *Мазур Л. Н., Бродская Л. И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке. Опыт динамического анализа. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. — 2-е изд. — Т. 23.
11. *Полтерович В. М.* Кризис экономической теории // Экономическая наука современной России. — 1998. — № 1. — С. 46-66.
12. *Солодкина М. М.* Об историко-экономическом познании // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. — М.: Экономика, 1989.
13. *Татаркин А. И., Берсенёв В. Л.* Политическая экономия и economics: общее и особенное // Труды II Всероссийского симпозиума по экономической теории : в 2-х т. — Т. I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2006. — С. 134-137.
14. *Barth R.* Le discours de l'histoire // Social Science Information. — 1967. — Vol. 6. — № 4.
15. *The Reinterpretation of American Economic History / Ed. R. W. Fogel, S. L. Engerman.* — New York: Harper & Row, 1971.
16. *Toynbee A.* Lectures on the industrial revolution of the eighteenth century in England. — London, 1908.

УДК 330.8

Ключевые слова: политическая экономия, история экономики, история экономических учений, кризис экономической теории, клиометрика